

СБОРНИК ДИКТАНТОВ

по русскому языку

для 5–11 классов

Михаил Петрович Филипченко

Сборник диктантов по русскому языку для 5-11 классов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6037771

*М.П. Филипченко. Сборник диктантов по русскому языку для 5 – 11
классов: АСТ; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-065792-6*

Аннотация

Собранные в книге диктанты по русскому языку адресованы учащимся с 5 по 11 классы различных учебных заведений. Диктанты разбиты на группы по возрасту учеников и цели: орфографические, пунктуационные, комплексные. Сборник предназначен для тех, кто обучает русскому языку на всех уровнях (в школе, колледже, лицее, вузе), для всех, кого интересует самобытность русского языка и волнует его судьба; подобранные тексты служат для закрепления навыков правописания, проверки степени их сформированности и усвоения. Издание поможет систематизировать знания, полученные на уроках, подготовиться к сдаче экзаменов, оно может быть использовано преподавателем на занятиях, для самостоятельной работы, на всех уровнях изучения русского языка – в средней школе, колледже, лицее, слушателями подготовительных отделений вузов и т. д.

Содержание

От составителя	5
I раздел. 5–7 классы	9
1	9
2	11
3	13
4	15
5	18
6	20
7	22
8	24
9	25
10	27
11	29
12	31
13	33
14	34
15	37
16	39
17	41
18	43
19	45
20	47
21	49

22	52
23	54
24	56
25	58
26	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Михаил Филипченко

Сборник диктантов

по русскому языку

для 5 – 11 классов

От составителя

Основные задачи обучения русскому языку – дать школьникам глубокие знания, привить им прочные навыки и умения, развить их творческие способности. Комплексному решению этих задач способствует работа учителя, и в частности, работа по закреплению знаний, умений и навыков, с использованием проверочных и контрольных работ различных видов, упражнений. Таким образом решается основная задача современной школы – переход от человека образованного к человеку культурному.

Отбор материалов для текстов диктантов – одна из серьезных проблем методики преподавания русского языка. Учителя вынуждены тратить довольно много времени на то, чтобы подыскать для своих уроков необходимый материал, поскольку многие тексты, издававшиеся ранее, либо морально устарели, либо выглядят в современных условиях не совсем

корректно.

При отборе текстов составитель опирался на следующие принципы:

– культуроведческий принцип: в состав сборника включены тексты, ориентированные на национальную культуру народа и приобщающие учащихся к сокровищнице культуры через посредство языка;

– принцип учета возрастных особенностей школьников, которые любят работать и с серьезными текстами, и с текстами-шутками; с интересом выполняют задания, требующие интеллектуального напряжения, творческого подхода;

– принцип стилистического и жанрового разнообразия: в сборнике собраны тексты различных жанров и стилей;

– принцип разнообразия видов диктантов, что стимулирует интерес в обучении, заинтересованность учащихся на уроке, меньшую утомляемость и большую активность при выполнении заданий.

При подготовке сборника составитель решил следующие задачи:

1) подобрать примеры, иллюстрирующие основные теоретические темы курса изучения русского языка и литературы;

2) в соответствии с программами отразить на примерах основные трудные случаи правописания;

3) обновить наполнение сборника, избежав, по возможности, повтора ранее использовавшихся текстов;

4) пополнить новыми именами состав авторов текстов, ис-

пользуемых в качестве дидактического материала.

При составлении настоящего сборника использовались тексты произведений русской художественной литературы – классической (XIX век) и современной (XX век).

Сборник состоит из трех разделов:

1. I раздел. «5–7 классы. Орфография. Лексика. Словообразование. Морфология» – содержит тексты, нацеленные на проверку знания орфографических правил, правил словообразования, лексики и морфологии.

2. II раздел. «8–11 классы. Синтаксис и пунктуация» – включает тексты диктантов, подобранные по наиболее важным темам синтаксиса и пунктуации.

3. III раздел. «Комплексные диктанты» – содержит наиболее трудные в орфографическом и пунктуационном отношении тексты, имеющие обобщающий характер. Тексты подбирались с учетом наличия в них орфограмм и пунктограмм на многие правила.

Некоторые диктанты имеют оттенок занимательности, нацеливают на самостоятельную работу со словарями и справочными пособиями.

Сборник диктантов предназначен для тех, кто обучает русскому языку на всех уровнях (в школе, колледже, лицее, вузе), для всех, кого интересует самобытность русского языка и волнует его судьба; подобранные тексты служат для закрепления навыков правописания, проверки степени их сформированности и усвоения.

Сборник может быть использован преподавателем на занятиях, для самостоятельной работы, на всех уровнях изучения русского языка – в средней школе, колледже, лицее, слушателями подготовительных отделений вузов и т. д.

І раздел. 5–7 классы

Орфография. Лексика.

Словообразование. Морфология

1

Зайчата

Зайцы-беляки живут в теплом климате; приносят они от двух до пяти зайчат четыре-пять раз в год. В марте у зайчихи рождаются «настовички» (в это время еще лежит снег, покрытый твердой коркой – настом).

Есть разные мнения о родительской заботливости зайчихи. Одни ученые считают, что зайчиха – хорошая мамаша, она остается рядом с детишками, далеко от себя не отпускает их, обучает, а в случае опасности притворяется больной или раненой и отводит от зайчат хищника.

Бытует и другое мнение: зайчиха оставляет новорожденных где-нибудь под кустиком или в траве и убегает. Зайчата пока обеспечены едой: мать накормила их, и в желудке у каждого зайчонка есть запас очень жирного молока. Через какое-то время мамаша вернется и снова покормит зайчат, или покормит их другая зайчиха, пробегая мимо.

Зайчата рождаются вполне развитыми, оформившимися, зрячими, они хорошо растут и через несколько дней начинают питаться самостоятельно.

2

Барсуки

Весной, перед выходом из норы, барсук долго прислушивается и принюхивается – нет ли опасности? Но, выйдя из норы, скоро забывает об осторожности – шумит, сопит и топает.

Вскоре размеренная жизнь барсучихи нарушается появлением барсучат. Их бывает от двух до шести. Весят они граммов пятнадцать, а длина каждого чуть больше десяти сантиметров. Малыши требовательны и капризны: мать три-четыре дня вообще не может выйти из норы. Затем покидает ее, но очень ненадолго.

В ясные дни барсучиха выносит ежедневно слепых барсучат (глаза у них раскрываются лишь через пять недель после рождения) на солнышко. Примерно в двухмесячном возрасте барсучата сами уже выходят из норы и вскоре начинают совершать вместе с мамашей небольшие экскурсии. Постепенно прогулки становятся все продолжительнее, и в конце лета молодые барсуки уходят так же далеко от норы, как и взрослые.

Барсуки – очень полезные животные. Они уничтожают в большом количестве слизней, гусениц, личинок, вредных насекомых, мышевидных грызунов.

Охота на барсуков запрещена. Но, к сожалению, их много

гибнет от рук браконьеров. И барсуков становится все меньше и меньше.

3

Утро застало нас близ моря. О том, что ночью бушевал девятибалльный шторм, напоминали лишь плавучие водоросли, брошенные на прибрежные кристаллические скалы. Их так много, что кажется, как будто океан нарочно постлал здесь этот зеленый ковер. У самой земли еще влажно мерцает мелкая холодная изморозь, но вверху небо уже кристально чистое. Вдруг брызнули первые лучи солнца, и миллионы бриллиантов заблестали везде: на кустах можжевельника, в зарослях камыша, растущего у ближайшей речонки, и на вспыхнувшей огнем брошенной перламутровой раковине. Кажется, здесь не ступала нога человека, но вот виден свежий след трехтонки, проехавшей по песчаному берегу, да вон чей-то полуразрушенный дощаник. Однако посмотрите: уж не след ли это медвежонка?

Нам надо поторапливаться, и поэтому мы, наскоро подкрепившись свиной тушенкой и шоколадом, отправляемся в путь. Обувь наша не высохла-таки и, вопреки заверениям, очень промокает. Все сияет после недавнего ливня: и голубые цветы цикория, и какие-то кусты с красными ягодами. Мой приятель забирается за ними в самую чащобу, несмотря на то, что кусты колются и жалятся. Посмотрите: вот птенцы широко разевают клювы. Как низко расположены гнезда! Здесь, наверное, их некому разорять.

Так мы продолжаем продвигаться вперед, взяв эту неожиданную для нас дань с природы. Но так как наш арьергард слишком растягивается, начальник экспедиции дает приказ подравняться. И мы продолжаем идти, забыв о всех горестях и изъяснах нашей экспедиции.

Не нужно чересчур преуменьшать трудность таких походов, но я не хочу и приуменьшить то удовольствие, которое они доставляют. Мы идем через лес, окропленный мириадами капель, которые висят даже на безыглых ветвях старых елок. Как ни тяжелы наши рюкзаки, мы все впоследствии с удовольствием вспоминали наше путешествие.

4

Северные гости

С наступлением холодов жди северных гостей – снегирей, чечеток, свиристелей. В прошлом году свиристели появились поздно, в январе, ягоды рябины за это время успели несколько раз замерзнуть, стать ледяными и снова оттаять. Многие уже чернели. А они все не прилетали: рябины было на их пути к нам полным-полно. И в наших краях они гостили долго, пока не кончилась вся рябина.

А в прошлом году пожаловали в ноябре. Полетали, полетали красавцы по нашим заснеженным улицам, посмотрели на голые рябинки – пусто: рябина не уродилась. И не только в наших краях. А то бы и не появились они так рано.

Я увидел свиристелей на улице утром, а под вечер, в метель, нечаянно спугнул их уже в поле. Они приютились с подветренной стороны у копешки овсяной соломы, упавшей у кого-то с санок. А на другой день их уже и след простыл, улетели дальше.

А вот чечетки остались. Между сосновыми рощами березки вразбежку. А ниже, до самого ручья, по всему косогору только снег да сухие кустики полыни, пижмы, цикория. Ветер обжигает колюч. Я хотел побыстрее переехать это место. А тут вдруг невдалеке опускается большая стая чечеток, сотни две, не меньше. Видно, только что с дороги, даже не

успели еще разбиться на стайки. Я остановился, наблюдаю, что будет дальше. А они то сядут с одной стороны, то легко вспорхнут, чтобы опуститься с другой. И до чего же они малы: меньше даже пеночек и зарянок. А еще чутки. Стоит мне прощуршать листком блокнота, переворачивая его, как они поднимаются. А вскоре опять опускаются на кустики цикория то грудно, то кучками по всему косогору, хоть иди и собирай. А то сядут на березки, что рядом, махонькие северные воробушки, разукрасят их и заголосят суетливо и громко: че-чет, че-чет. Но не засидишься на заиндевелых ветках, и они вспархивают и снова садятся на былинки, оставляя на снегу сухую шелуху. Только мелькают темно-красные пятнышки на темечке да малиновые грудки у самцов. Смотрю на них и гадаю, откуда они появились: из холодной тундры, с Новой Земли или от Белого моря? Кто их знает, не говорят. Но ясно одно: путь их далек, ведь постоянное жительство у них – северное редколесье, тундра, побережье Ледовитого океана.

А они и забыли свою дальнюю дорогу, знай, перепархивают по кусточкам цикория да громко сплетничают. Когда они улетели, поинтересовался, чем они кормятся. Сорвал три кустика цикория, растер на ладони колоски-мочки. Почти все пустые, только и нашел два тощеньких желтых семечка.

Тяжелая им покажется зима. Как далеко до мартовских дней, когда они перед отлетом в родные края будут весело раскачиваться на длинных березовых косах, подкрепляясь

молодыми почками.

А сейчас очень трудно чечеткам. Потому их, голодных, легко обмануть, заманить в клетку, чтобы поймать, а потом продать. А они-то летели к нам в такую даль не за тем, чтобы стать невольницами. Не будем же забывать об этом, пожалеем этих махоньких северных красавиц.

Над землей стоял туман. На проводах высокого напряжения, тянувшихся вдоль шоссе, отсвечивали отблески автомобильных фар.

Дождя не было, но земля на рассвете стала влажной и, когда вспыхнул запретительный светофор, на мокром асфальте появилось красноватое расплывчатое пятно. Дыхание лагеря чувствовалось за много километров, к нему тянулись, все сгущаясь, провода, шоссе и железные дороги. Это было пространство, заполненное прямыми линиями, пространство прямоугольников и параллелограммов, рассекавших землю, осеннее небо, туман.

Протяжно и негромко завывали далекие сирены.

Шоссе прижалось к железной дороге, и колонна автомашин, груженных бумажными пакетами с цементом, шла некоторое время почти на одной скорости с бесконечно длинным товарным эшеленом. Шоферы в военных шинелях не оглядывались на идущие рядом вагоны, на бледные пятна человеческих лиц.

Из тумана вышла лагерная ограда – ряды проволоки, натянутые между железобетонными столбами. Бараки тянулись, образуя широкие, прямые улицы. В их однообразии выражалась бесчеловечность огромного лагеря.

В большом миллионе русских деревенских изб нет и не

может быть двух неразлично схожих. Все живое неповторимо. Немыслимо тождество двух людей, двух кустов шиповника... Жизнь грохочет там, где насилие стремится стереть ее своеобразие и особенности.

Внимательный и небрежный глаз седого машиниста следил за мельканием бетонных столбиков, высоких мачт с вращающимися прожекторами, бетонированных башен, где в стеклянном фонаре виднелся охранник у пулемета. Машинист мигнул помощнику, паровоз дал предупредительный сигнал. Мелькнула освещенная электричеством будка, очередь машин у опущенного полосатого шлагбаума, бычий красный глаз светофора.

(По В. Гроссману)

6

Рябиновый дол

Затерялся в перелесках рябиновый дол. Рассказывают, что давным-давно здесь, в этом долу, молнией убило убогого странника. А богдановский пастух возьми и посади на том месте две рябинки на память. А теперь вон их сколько, не сосчитаешь: весь дол в них, по обоим склонам. Рябинки одна на другую не похожие, и ягоды тоже: то они розовые, то алые, то темно-красные.

Я люблю заходить сюда в августе, когда наливаются рябина, исподволь краснеют ее ягоды и свешиваются тяжелыми кистями. В сентябре залюбуешься резными листьями, багряными и красными от алых зорь и рябинового огня. А в октябре, когда кругом стоят голые деревья, этот дол еще долго радует глаз. Издали кажется, что алые кисти висят не на тонких ветвях, а прямо в воздухе.

Этот дол хорош и зимой, даже еще лучше на белом поле. Потому и склоны его такие нарядные и праздничные, что рябит в глазах от красного и белого, рябинового и снежного. И не поймешь, чего тут больше. Дол в конце делает полукруг, делают полукруг и рябинки. Вот и кажется, что эту снежную долину украсил щедрый волшебник рубиновым ожерельем. А это ожерелье то покроется снегом, то опять останется голым, озябшим, постукивая на ветру замороженными ягода-

ми.

Когда же падает сырой снег, он покрывает сверху рябиновые кисти. Снег затвердеет, зачерствеет, так что и в ветер не опадает, а качается вместе с кистями: ни дать ни взять маленькие перевернутые парашютики зацепились за ветки. Если же оттепель, гроздя плачут, умываясь слезами. В мороз – обледенеют, покроются тонкой ледяной кожицей. Срываю, кладу в рот маленькие красные ледяшки. Они тают, становятся вкусными, прохладными ягодами. Никакой горьковатости: ее отняли первые морозы.

Хороши они и в бахrome инея: каждая ягодка в крохотном серебряном венце. А однажды я видел чудо: с утра падал сухой снежок, его кристаллики обсыпали все кисти рябины, и они заиграли на солнце волшебными огоньками.

Затерялся в перелесках рябиновый дол. А все равно его отыскивали свиристели. Они прилетели в субботу и все воскресенье тешились здесь шумно, суетливо, радостно. Даже сороки наведались сюда из садов, уселись в сторонке, завидя чужому пиршеству. А свиристелей так много, что, когда поднялись, все небо было в этих северных красивых птицах, что звали на Руси красавами.

Дождлся-таки своего часа рябиновый дол. Не зря хранил свою красоту и богатство.

В конце апреля, в еще голом, сквозном лесу, на возвышенных прогретых местах сквозь жесткую кожистую подстилку пробивается сон-трава. На нежных, опушенных стеблях, как бы еще не окрепших от перворождения, поникше дремлют крупные сине-фиолетовые цветы. Об эту пору растеньице еще без единого листочка: просто стебель и на нем – цветок. Сон-трава так и зимовала под снегом, под опавшими древесными листьями с уже готовым бутонем, с тем чтобы, пока вокруг еще нет ни одной травинки, первой пробиться к солнцу, поскорее развернуть бутон и понежиться, подремать в ласковых вешних лучах. Ничего подобного этой яркой, праздничной сини нет во всем пока еще не прибранном, буро-жухлом лесу, и потому так радостно изумишься, когда еще издали, за много шагов, увидишь это диво весны.

Рвать цветок нельзя. Он и сам по себе трепетно-нежный, неприкасаемый и даже под бодрящим апрельским солнцем не в силах приподнять дремотно опущенной головы. Если же его сорвать, то он тут же безвольно поникнет и уснет навсегда... Оттого и назван так: сон-трава.

Но вот все-таки рвут многочисленные посетители вешнего леса! Рвут и вскоре бросают. Бросают из-за этой нежной неприкасаемости растения, а стало быть, из-за его бесполезности и ненужности. Бывает, в воскресный день все лесные

тропки, ведущие к электричке, усыпаны завядшими и растоптанными цветами.

(По Е. Носову)

8

Орешниковые сони

Мы с другом очищали скворечники у нас в саду от старой подстилки, которую натаскали в гнезда скворцы. И вдруг из одного из них выскочила рыжая мышка.

Она хотела спрятаться в густой траве, но мы ее поймали. Хорошо рассмотрели и обнаружили, что это не мышь, а соня. Мы поняли, это – кормящая мать и, значит, там, в скворечнике, ее малыши. Так и оказалось. Их было шестеро маленьких, голых, слепых.

Решили перенести домой все семейство. А чтобы зверьки чувствовали запах родного дома, взяли из скворечника и старую подстилку. Всех поместили в террариум. Мама-соня сначала зарылась в сухую траву, но вскоре вылезла, обнаружила своих малышей и начала облизывать их, устраивать поудобнее. Мы положили соню кусочки яблока, сухарики. Утром обнаружили, что яблоко съедено, а сухарики не тронуты.

Через две недели маленькие сони стали выходить из гнезда. Они обнюхивали все вокруг, обживались. А вскоре стали брать корм прямо из рук.

Как ни боялись засухи, она все-таки пришла. Небо было донельзя раскалено, и с него почти отвесно падали колющие лучи солнца, а в воздухе уже начинал веять дышащий жарью ветерок. Овес, не поднявшийся еще и на пол-аршина от земли, уже поблек. Просяные поля, едва колеблемые жарким дыханием ветра, настоящего на увядших полевых травах, без устали отливали своими унылыми бледно-зелеными кистями. Почти не заросшие в этом году травой паровые поля печально разнообразили картину. Песчаная земля, которая, по-видимому, некогда особенно избалована дождями, окончательно задыхалась от зноя.

Кое-где попадавшиеся нам навстречу стада еще более усиливали тоскливую неприглядность полей. И только один раз мы заметили возле них пастуха, не спеша идущего за стадом и с видимым усилием тащащего свою палку. Он безучастно посмотрел на нас и путано объяснил, куда нам следует ехать, чтобы попасть на мельницу. Несмотря на раннее время, деревня, через которую мы проезжали, поражала своей пустынностью. Только кое-где на завалинке сидела какая-нибудь старуха да копошились ребятишки, почти не интересовавшиеся нами. Даже собаки и те лаяли как-то нехотя и как будто по привычке. Но вот в отдалении мы увидели небольшой домишко с штукатуренными стенами. Это и было не что

иное, как мельница, где мы рассчитывали остановиться на ночевку. Весело выглядывают из ярко-зеленой листвы черепитчатые и камышовые крыши построек, без усталости вращается обвешанное маслянистыми каплями замшелое колесо, бешено стучит в амбаре жернов, с приглушенным шепотом плещется речонка, убегающая куда-то в глубь степей. Уж не примерещилось ли все это нам?

Мой питомец

Как-то весной принес я домой икру, которую нашел в луже, и поместил ее в банку с водой. Уже через несколько дней икринки заметно изменились – в каждой стремительно развивался зародыш. Условия для выклева личинок были благоприятные, и я стал свидетелем этого таинства. Темные существа были похожи на мальков рыб. Первое время они почти не шевелились, сидя на водорослях.

Спокойствие, однако, было обманчиво – чуть позже в сосудах закипела бурная жизнь.

Примерно на пятой-шестой неделе после выклева у головастика начали расти задние лапки. Передние же развивались незаметно, под жабрами. На последней личиночной стадии развития головастики как бы вытянули свои маленькие передние лапки. Хвосты у них постепенно укорачивались, и отталкивались они все чаще задними лапками. В это время они стали похожи на лягушат, а вернее, на жабят, как позже оказалось.

Со времени выклева прошло около шестидесяти дней. Я поместил их в бассейн акватеррариума, где обитали тритоны, и ждал момента выхода на сушу своих «малышей». И дождался – существа выбрались на влажный песчаный бережок. Передвигались они маленькими прыжками, не забывая

навешать родную стихию – воду.

Мои питомцы очень долгое время отказывались от предлагаемой пищи. Двое из них погибли от голода, хотя вокруг было много шевелящихся червячков. Я уже отчаялся, когда последний оставшийся в живых вдруг стал обращать внимание на трубочника, а затем и есть его. Вскоре мой любимец начал хватать с пинцета кусочки мяса. Он стал заметно расти, что очень радовало меня. Я переживал, опасаясь, что его проглотят тритоны: мой питомец был так мал. Однако вскоре он стал очень шустрым и даже отбирал у соседей корм.

Через несколько месяцев жабенок хватал уже все без разбору, будь то червяк или тритон. Он стал опасен для жителей акватеррариума. Пришлось оборудовать ему отдельное помещение. К этому времени он уже стал довольно большим и красивым – на серо-салатовом фоне спинки темно-зеленые пятна различных размеров, окаймленные черными полосами. Брюшко более светлое – на серо-белом фоне салатные пятна. А какие великолепные изумрудные глаза! Конечно же, это – зеленая жаба.

В тайге темнеет быстро. И несмотря на то что мы это знали, все-таки темнота застала нас врасплох. Раздвигая тяжелые колючие ветви и нащупывая ногой следующую кочку, мы мало-помалу продвигались вперед. Было совершенно темно, но, как ни странно, от прожорливых комаров и мошек, летавших вперемешку вокруг нас, спасения не было так же, как и днем.

Целый день мы шли вниз по течению реки, но река исчезла в темноте где-то слева, и нам приходилось идти наугад. К счастью, до ближайшей охотничьей избушки, в которой мы рассчитывали устроить ночевку, оставалось, по-видимому, совсем недалеко. И действительно, когда мы поодиночке перешли по узкой жердочке, брошенной через топкий лесной ручей, и поднялись в гору, мы оказались перед избушкой.

Не теряя ни минуты и в душе радуясь, что расчет наш оправдался и мы в пору добрались до места, мы без усталости рубили хвою, пилили ножовкой небольшие ветки и клали их крест-накрест. Вот и готова наша пахучая, но не очень мягкая постель! Товарищ мой уже не смотрит исподлобья и даже начинает читать стихи, которые учил когда-то на память, сначала шепотом, а потом и в голос, вовсе не подозревая, как он смешон в эту минуту.

С тихим шорохом ветер раскачивает вершины старых кед-

ров, как будто предвещая на завтра дождь, и где-то вдали кричит какая-то ночная птица.

На дворе май, а уже порыжела сирень. Нет дождей второй месяц. Еще не беда для огородов, но предчувствие ее томится в сухом, духмяном от сомлевших трав воздухе.

Торопится добрать стройматериалы для своего жилища оса, грызет дощатую обшивку веранды – только шорох стоит. Торопится накормить своих птенцов воробей: то и дело снует за стреху и обратно. Торопится отцвести декоративная жимолость: над ее бело-розовой, одуряюще запашистой кипенью неутомимо снуют пчелы.

Лишь новорожденной бледно-зеленой гусенице, как видно, некуда спешить среди суеты майского утра. Она зависла над веткой березы. Огляделась, выпустила из себя паутинку, скользнула вниз и снова зависла в жарком токе воздуха, покачиваясь, как на качелях.

Каким ей видится этот мир? Неоглядным торжеством зелени под выгоревшим и потускневшим от обилия солнца небом? Черно-белым росчерком берез? Или той вон, похожей на сытую гусеницу сережкой, что вздрагивает рядом, застив весь свет?

Мне тоже застыт весь свет эти березы, что вымахали у крыльца намного выше крыши. И солнечные лучи просеиваются сквозь них лишь зыбким кружевом бликов. И река угадывается едва сквозь трепет клейкой листвы. Но шелест

ее для меня – как задушевные речи старого друга.

13

Дожди

Неблагоприятная для отдыха погода установилась надолго. Неприветливое небо непрестанно хмурилось. Не прекращаясь ни на час ни днем ни ночью, шли дожди. К сырой погоде я был не подготовлен, так как не захватил с собой на дачу ни плаща, ни непромокаемой обуви, ни даже какой-нибудь незатейливой одежонки, которую не жалко было бы трепать в непогоду. А почва у нас повсюду глинистая, вязкая. Даже после небольшого дождя грязь вокруг непролазная. Сколько ни оглядывал я низко нависшие пепельно-серые облака, но не мог рассмотреть даже ни малейшего проблеска. Незаметно было никакого намека на просветление. Как ни досадно терять драгоценное время летнего отпуска, но, как говорится, ничего не попишешь. И хотя я внешне примирился с тем, что придется отсиживаться дома, однако в душе не мог не надеяться на лучшее. Ведь человек всегда живет светлой надеждой, и это неплохо. Что ни говори, а люди неунывающие – это лучшая часть рода человеческого. Итак, не смея рассчитывать на прекращение дождей, я расположился у окна с недурными намерениями просмотреть не прочитанные за последние дни газеты, ответить на два-три письма.

Белочка-партизан

Лес старый, деревья высокие, верхушки раскачиваются и шумят. Партизаны разожгли костер. Дым столбом поднялся вверх. И вдруг чуть ли не в огонь упал с высокой сосны какой-то комок. Ребята, сидевшие у костра, схватили его. Это был маленький бельчонок. Он весь дрожал от страха и даже не пытался вырваться. Решили оставить его в отряде, а воспитывать поручили мне, поскольку я год проработала учительницей в третьем классе.

Итак, эта белочка – «подарок с неба», как мы ее окрестили, стала служить с нами, ездила на повозке, где находились продовольствие и рации.

Она очень любила тепло, подолгу спала в рукавице, сшитой специально для нее. Спала она крепко, свернувшись в клубок, и очень смешно прикрывала мордочку пушистым хвостиком, словно одеялом. А проснувшись, зверек любил забираться к кому-нибудь в карман или под шинель. Ел бельчонок варенье, сырые яйца, сало, сухари, консервы и, конечно, ягоды, особенно любил землянику. Не знаю, как он относился к сахару, этого лакомства у нас не было.

Так и ездил с нами бельчонок, участвуя в боевых рейдах и переходах по тылам врага. Когда была спокойная обстановка, я и моя подруга Нина, тоже радистка, отпускали зверька

погулять и поиграть. Белочка очень ловко бегала по стволам деревьев, брала с рук угощенье, но давалась не всем, знала только нас и ездового Андрея.

Интересно было смотреть, как она бежит по туловищу коня, быстрыми прыжками несется по спине, по ногам. Лошади вначале вели себя беспокойно, кожа на их теле вздрагивала. А потом они привыкли и спокойно относились к «белочкиным путешествиям».

А однажды зверек забрался на высокое дерево. Неожиданно появилась какая-то крупная птица, стала нападать на бельчонка. Налетели сойки, раскричались на весь лес. Пришлось отгонять птицу выстрелом из пистолета. Она улетела, а белочка мгновенно спустилась к нам в руки. Сердечко ее билось часто-часто. Она юркнула в рукавицу и долго не вылезала оттуда.

Прожила белочка с нами до лета. И один раз случилось непредвиденное... Выпустили мы ее, как всегда, погулять, а тут приказ: срочно покинуть это место. Начался обстрел. У нас не было времени долго искать белочку, еле успели свернуть радиостанцию. Звали ее, звали, но она не появлялась. Так и осталась в том лесу у речки...

Долго вспоминали ее партизаны и думали-гадали: найдет ли она себе корм, сумеет ли прожить, постоять за себя? Кто знает... Да, и на войне не переставали люди, посуровевшие в тяжелых испытаниях, оставаться людьми, готовыми уберечь от гибели все живое. Неистребима тяга человека к доброте

и заботе...

Мать рек русских

Матерью рек русских издавна называли люди Волгу. Изпод сруба старинной часовенки, близ деревеньки Волгино-Верховье, вытекает неприметный ручеек, через который перекинут бревенчатый мостик.

Проделав путь в три тысячи шестьсот восемьдесят восемь километров, Волга приходит к Каспийскому морю.

Какие только суда не встречаются на Волге!

Тяжело проплывает огромная нефтеналивная баржа, заменяющая собой много железнодорожных цистерн. Вслед за ней тянутся не спеша широкие баркасы с невысокими бортами, доверху нагруженные камышинскими арбузами. Взгляните издали с берега – точь-в-точь огромное блюдо с плодами плывет по реке. А навстречу движется длинная улица, мощеная бревнами. Как полагается, на улице выровнялись, будто по линейке, игрушечные домики. Перед домиком догорает костер, кипит чай в закопченном котелке, колышется на бечевках вывешенное белье – и все это хозяйство медленно движется вниз по реке.

Не поодиночке, а караваном тянутся огромные плоты, насчитывающие по пятидесяти тысяч бревен. Провести такую громадину по своенравным поворотам в течении реки – большое искусство.

На залитой июньским солнцем палубе с комфортом расположились в камышовых креслах пассажиры трехэтажного теплохода, точно серебряного от солнца. Неслышно рассекает он зеленовато-серые волны реки. По сравнению с этим плавучим дворцом неказистым кажется труженик-буксир, толкающий впереди себя или ведущий за собою тяжело груженные баржи.

Бегут скоростные поезда, несутся автомобили по трассам нашей необъятной страны, но Волга по-прежнему величайшая магистраль нашей Родины.

Кукушечья хитрость

Неподалеку от нашего промыслового стана лопотала листовую тополиная лесополоса, вдоль которой торчали невысокие бетонные столбики проволочной ограды. И вот мы стали замечать, как на эти столбики изредка присаживалась поющая кукушка. Посидит, попоет на одном, перелетит на другой, третий, и так далее, пока не кончится коротенькая лесополоса. Что она, столбики считает, что ли?

Наконец случай помог разгадать столь странное поведение кукушки. Я шел вдоль лесополосы, когда совсем близко от себя увидел низко летящую птицу. «Ку-ку», – пропела она на лету, отбросив у меня всякие сомнения в том, с кем имею дело. Наша кукушка! Причем самец. Многие полагают, что кукуют кукушки-самки, а на самом деле кукует самец, беря на себя бремя неприязни, вызываемой у нас кукушечьим образом жизни.

Птица, которую я заметил, села, как обычно, на один из бетонных столбиков. Вертя хвостом и как бы раскланиваясь на разные стороны, она продолжала свою незатейливую, но всегда волнующую песню. Мне захотелось рассмотреть певца получше. Я пересек лесополосу и по-за деревьями стал осторожно прокрадываться к нему. И вдруг замечаю: я крадусь не один. Впереди меня, меж редких тополиных стволов,

тихохонько поскакивает еще одна кукушка! Путь ее зигзагообразен, с частыми остановками для осмотра. Особенно привлекали кукушку заросшие травой выбоины, кочки, валежины. Догадываюсь: кукушка выискивала гнезда!

А тем временем возле кукующего на столбике самца уже беспокойно запорхали и записклявили мелкие певчие птички: парочка желтых трясогузок и расписной красавчик дубровник. Всем троим появление кукушки явно не понравилось.

Таков старый воровской прием у кукушек: пока самец кукует на виду и отвлекает внимание птиц, самка выискивает их гнезда, чтобы наградить яйцом-подкидышем.

Заря разгоралась. Лучи солнца коснулись верхушек деревьев, позолотили блестящую поверхность озера и проникли в спальню к ребятишкам. Высоко над домом развевается и горит ярким пламенем красный флаг. Скоро подъем. По звуку горна юные спортсмены быстро поднимаются и, застелив аккуратно постели, выбегают на зарядку. В комнате остаются ребятишки младшего возраста. Они не умеют еще самостоятельно застилать свои постельки и делают это под наблюдением вожатой Люси.

На спортивной площадке, построившись по росту в ряд по трое и подравнявшись, ребята застывают по команде «смирно!». Через минуту в воздухе мелькают загорелые руки, и стриженные наголо ребятишки наклоняются, касаясь земли кончиками пальцев. После зарядки они врассыпную бегут к озеру, оглашая его берега звонким смехом.

Малыши, не умеющие плавать, плещутся у берега. Несколько ребят во главе с Юрой, знаменитым лагерным пловцом, направились к плавучему мостику, но, услышав сердитый голос вожатой Люси, поспешили обратно.

После купанья хорошо растереться мохнатым полотенцем. Ежедневная зарядка и обтирание холодной водой укрепляют и закаляют здоровье. А какой аппетит развивается после купанья! Все кажется необычайно вкусным. Ребята

с удовлетворением уплетают олады, макая их в сметану.

Мока жил в горах Северного Кавказа. Осенью, когда созревали желуди, груши, другие дикие плоды и ягоды, он спускался в леса, даже выходил в предгорья, а лето и весну проводил, забираясь высоко в горы. Его мать, бурая медведица, погибла, когда он был еще совсем маленьким. Голодного и испуганного, забившегося в густые заросли облепихи, его нашли люди, отогнали своих свирепых собак и принесли медвежонка в деревню. Там, на окраине горного селения, он прожил почти год: лето, осень и зиму. На ночь его запирали в сарае, а день он проводил на дворе, огороженном высоким и сплошным каменным забором.

Когда он подрос и окреп, его стали недокармливать. Неумышленно. Просто ему надо было много пищи, а одинокий старик, его хозяин, не всегда мог его накормить. Мока ел все: хлеб, сухари, мясо, кости, картошку, любые овощи – сырые и вареные, даже траву. И все равно всегда был полуголодным.

Иногда к Моке приходили двое ребяташек. Поиграть с ним. Медвежонок радовался таким посещениям. Но этой весной, когда в апреле и мае все вокруг цвело и зеленело, мальчики приходили всего один раз. Принесли Моке две сладкие булочки, потрепали его по мохнатой коричневой гриве, погладили лоб и щеки – Мока в это время довольно

урчал, – потом ушли. Он снова остался один до вечера, пока не пришел старик-хозяин. Человек немного покормил его, сказал ласковые слова.

Однажды ребяташки пришли снова. С ними был третий. Медвежонок съел гостинцы, предложенные ему двумя знакомыми мальчиками, потянулся к третьему. А тот вместо сладкой булочки сунул ему в нос колючую щетку. Мока укололся, взвизгнул и отпрянул, а мальчик громко и весело захохотал. И тут вдруг выяснилось, что у Моки довольно крутой нрав. Он взревел, подскочил к обидчику и ударил его лапой. Дети убежали, а медвежонок долго ходил по двору, потом нашел удобные уступы в каменной кладке забора, перебрался через него и ушел в лес.

С тех пор прошло немало лет. Мока стал могучим крупным медведем. Правда, первую зимовку на воле он едва пережил: чуть не замерз. Но его спасла удачно, хотя и случайно выбранная пещерка, в которую он залег на свою первую зимнюю спячку.

Теперь он был уже опытен, умен и хитер. И, хотя питался в основном растительной пищей, был не прочь и умел при удобном случае задрать оленя или тура. Людей он не встречал, сторонился их следов, запаха. В нем проснулся дикий инстинкт самосохранения. Благодаря этой своей осторожности Мока спокойно жил в горных лесах и ущельях.

Сколько-нибудь связные воспоминания начинаются у меня лишь с того времени, когда мне было лет пять и когда мы жили в Калуге. Нас было тогда трое детей: сестра моя Анюта была лет на шесть старше меня, а брат Федя года на три моложе.

Детская наша так и рисуется перед моими глазами. Большая, но низкая комната. Стоит няне стать на стул, и она свободно достаёт рукою до потолка. Мы все трое спим в детской; были толки о том, чтобы перевести Анюту спать в комнату ее гувернантки, француженки, но она не захотела и предпочла остаться с нами.

Наши детские кроватки, огороженные решетками, стоят рядом, так что по утрам мы можем перелезть друг к другу, не спуская ног на пол. Несколько поодаль стоит большая нянина кровать, над которой висится целая гора перин и пуховиков. Это нянина гордость. Иногда днем, когда няня в добром расположении духа, она позволяет нам поваляться на своей постели. Мы взбираемся на нее при помощи стула, но лишь только взберемся мы на самый верх, гора эта тотчас под нами проваливается, и мы погружаемся в мягкое море пуха. Это нас очень забавляет.

Стоит мне подумать о нашей детской, как тотчас же, по неизбежной ассоциации идей, мне начинает чудиться осо-

бенный запах – смесь ладана, деревянного масла, майского бальзама и чада от сальной свечи. Давно уже не приходилось мне слышать нигде этого своеобразного запаха. Да я думаю, не только за границей, но и в Петербурге, и в Москве его теперь редко где услышишь; но года два тому назад, посетив одних моих деревенских знакомых, я зашла в их детскую, и на меня пахнул этот знакомый мне запах и вызвал целую вереницу давно забытых воспоминаний и ощущений.

Гувернантка-француженка не может войти в нашу детскую без того, чтобы не поднести брезгливо платка к носу.

(По С. Ковалевской)

Стертые каменные ступени, скользкие от мелкого осеннего дождя, вели вниз, в стиснутые высокими скалами ущелья. Одна из ближних к лестнице скал, округлая и тяжелая, напоминала силуэт доисторического животного. Складчатая спина чудовища покрыта, как шерстью, пучками увядшей травы. Только что пребывали мы в цивилизованном мире высотных зданий, автобусов и троллейбусов, переполненных спешащими людьми, мощеных и асфальтированных улиц и площадей, в мире гигантских сооружений и нескончаемых реклам. Но стоило перебраться через большой неподвижный водоем, как мы нежданно-негаданно очутились в царстве неживой природы. Как ни странно, эта жизнь казалась реальной, а та, отделенная тонкой сеткой дождя, сквозь которую просвечивали контуры современных катакомб, представлялась наваждением. И вот мы прикасаемся к древности, искусно созданной и сохраняемой учеными-экологами.

Мы приостановились у безлюдного берега озера, любуясь открывшимся пейзажем: серебряной ниткой прорезал песчаную грядку ручей, чуть-чуть пожухлая зелень трав обвивала кусты ольшаников, создавая живописный рисунок. Облетающие березы, кустарники – все это образовывало неповторимый ландшафт. Мы стали продвигаться в глубь территории, как вдруг услышали детские голоса. Посторонив-

шись, мы пропустили небольшой отряд ребятешек в непромокаемых курточках и вязанных из разноцветных ниток шапочках. Впереди шагал улыбчивый веснушчатый мальчуган, державший флаг. На бледно-голубом полотнище был нарисован диковинный рогатый жук-олень. Флажки поменьше, тоже с изображением насекомых, несли другие дети.

Но вот мимо нас прошли последние следопыты, и мы расспросили руководителя, наблюдавшего издали за ребятами, о цели их путешествия. Он объяснил нам, что эти дети – юннаты и что все члены общества охраны природы приводят сюда своих подшефных школьников, чтобы с детства привить им любовь к природе, к прошлому своей страны. По прибытии в город мы не захотели идти ни в театр, ни в кино, потому что ничто другое, кроме встречи с живым чудом, не влекло нас.

В доме готовились к празднику, Женька всем мешал. Он бродил по дому и путался под ногами. Особенно досаждал бабушке. Куда она ни посмотрит – везде перед ней то белый чубчик, то белая макушка. «Ох, Женька, шел бы ты купаться!» – сказала бабушка. И рассмеялась. Знала ведь, что он боялся воды.

Женька обиделся, но все же побрел на речку. Он спустился к воде и хотел по привычке намочить трусы и макушку – вроде купался, и уже зачерпнул было ладошкой воду, как вспомнил бабушкин смех. Бабушка на днях подсмотрела его хитрость. Поэтому он просто плюхнулся на траву. Вот это он очень любил. Еще бы – трава прохладная, ласковая.

Женька лежал и блаженствовал. Солнце сверху так жарило!

Вдруг что-то легонько щелкнуло Женьку по лбу. Он замер. Р-раз, еще р-раз! Щелк! Щелк! Щелк! Кто-то стрелял. Не больно, но все-таки обидно.

Женька огляделся. Никого. Кусты, трава у речки – ничто не качнулось, не шелохнулось. И тут опять – щелк! Щелк! Ну уж это слишком! Мальчик хотел вскочить, как от последнего щелчка по лбу на широкий лист подорожника что-то упало. Женька присмотрелся. Семечко. Круглое, блестящее, точно лаковое. Хотел взять – скользнуло семечко между пальцами

и юркнуло вниз, на землю.

Женька растерялся – откуда оно? Привстал и увидел, как шагах в трех от него на стебельке какой-то травинки покачивались маленькие плоды. Одни были похожи на журавлиные головки с длинными клювами, другие – на косматые шарики. К одной из космушек прилепилось семечко: точь-в-точь такое же, как то, что отскочило от Женькиного лба.

«Так вот кто стрелял!» – осенило его. Он чуть дотронулся пальцем до плодика – журавлиного носа. Плодик мгновенно взъерошился, и в разные стороны полетели блестящими точками семена. Вот это открытие! Женька забыл про все на свете, даже про бабушкин смех. Он ползал на коленках по лугу и искал стреляльщиков. Находил, примеривался пальцем, кричал: «Р-раз!» – и касался плодика. Если стреляло, вскакивал на ноги и орал: «Есть!»

Гуси, которые до сих пор неподвижно лежали на лугу, повскакивали и переполошно загоготали, стали вперевалку шлепать по траве, пока, наконец, не бросились в воду. Они хлопали крыльями по воде, взбивая белую пену, во все стороны летели брызги, как те блестящие семечки. И Женька шагнул к ним. Вода оказалась прохладная и ласковая, как трава. Он замер. По-над дном юркнула стайка крошечных мальков. Из крапивной стены – берега речки – выглянули голубенькие незабудки.

Женька замахал руками, как гуси крыльями, тоже взбил белую пену и победно взглянул на стреляльщиков.

Среди цветов стояла бабушка. «Не двигайся!» – приказал ей внук, вылез на берег и пополз искать стреляльщиков. Бабушка про такое не знала. Честное слово! «Обыкновенные герани – и надо же!» – удивилась она.

Они сидели на лугу. Женька был совершенно счастлив. И бабушка тоже.

Из-за поднявшейся метели я не мог выехать раньше, как предполагал. Было совсем поздно, когда мне подали повозку, запряженную парой лошадей. Кучер вскочил на козлы, и мы покатали. Какое наслаждение мчаться на бойких лошадях по укатанной снежной дороге! Удивительное спокойствие овладевает тобой, и приятные воспоминания роем теснятся в голове. Недоверие, сомнение – все осталось позади. Равнина, расстилающаяся перед глазами, блестит алмазами, на горизонте догорает бледная заря. Скоро поднимется луна, озарит таинственным светом всю окрестность. Опираясь на спинку саней, плотно запахнувшись шубой, гляжу на бесконечную темную ленту дороги. Вот в отдалении показались две точки, они то исчезают в ухабах, то, обгоняя друг друга, двигаются нам навстречу. Точки приближаются и превращаются в два воза, на которых сидят закутанные фигуры.

Мой кучер здороваается, о чем-то расспрашивает их и, повернувшись ко мне, говорит: «Не опоздаем, поспеем к поезду».

Снова впереди пусто и тихо, только слышится непрерывный скрип саней да храп лошадей. Утомленный разнообразием местности, я погружаюсь в какой-то сладкий сон. Мне кажется, что сон мой продолжался несколько мгновений, но, проснувшись, убеждаюсь, что мы уже добрались до цели на-

шего путешествия. В долине виднеется городок, освещенный рядами фонарей, а на западе догорают звезды.

Почему люди все время недовольны телевидением, этим величайшим даром цивилизации? Потому что это дар данайцев. В нас бунтует подавленная, не находящая реализации часть нашего живого существа. Даже в новогоднюю ночь, как невольники на галерах, мы прикованы к телеэкранам и видеомагнитофонам, неспособные сами ни петь, ни плясать, ни кричать, ни смеяться, ни играть, ни разыгрывать друг друга, – фактически не общаемся, а только смотрим, смотрим, в промежутках немного пьем и жуем, жуем, жуем...

Телевидение – символ всей современной аудиовизуальной культуры. Гибельная суть этой новой «культуры» в том, что она лишает человека его собственного предметного мира, унося туда, где он существует только как фантом. И есть уже телевидеоманы, «электронные почтальоны», которые забыли о естественных потребностях живого активного существа, чувствуя себя вполне хорошо без них. Умерли – и довольны. Впереди – компьютерная наркомания, которую называют пока «пребыванием в виртуальной реальности».

В подсознание – основную творческую лабораторию человека – попадает только то, что прошло через чувства. Через чувства проходит прежде всего живое, непосредственное воздействие другого человека, природы, мира, а информационное воздействие затрагивает только мышление, «ко-

ру». От хоккея по телевизору остается легкий поверхностный след, который, как след самолета, быстро рассеивается с новыми впечатлениями, смешивается с ними. Хоккей на стадионе, даже наблюдение, а тем более собственную игру, помнит все тело, весь человек. И так любые события. По телевидению мы были везде, на всей планете, и слышали обо всем. Но что это дает? Общее впечатление без переживания. «Мы многое из книжек узнаем, но истины передают изустно», – пел В. Высоцкий. Многие удовлетворяются жизнью без истины – живут как наблюдатели, «рядом с бытием». Некоторые уже и не нуждаются в переживании – роботообразные, другие, напротив, прибегают к искусственной имитации переживания – наркообразные.

(По В. Кутыреву)

Дни были невыносимо жаркие, но в небольшом дубовом лесочке стояла живительная свежесть. Упругие глянцевиные листья молодых дубков свежи, как будто их только что обмакнули в зеленый воск. Из-под пестрой трафаретной листвы папоротников глядит ярко-красная волчья ягода и опавшие желуди. Вверху блещет сухая орешина, вся золоченная светом, на темно-коричневой торфянистой почве в изобилии произрастают целые семьи грибов. Кругом сонное царство, только стрекочут в траве неугомонные кузнечики да тащат соломинки смышленные работающие муравьи. Из чащобы на опушку выскочил полинялый заяц, но, сделав прыжок, тотчас же решил пойти на попятную и бросился наутек.

Высоко в небе плавают ворон. Вот долетает издали, как брошенная горстка гороха, грустный вороний крик. Что он высматривает оттуда? Может быть, он устал парить в поднебесье и хочет этой студеной воды из ручья? А вот издали послышалось словно пение жаворонка.

И вдруг слышится тяжелый грохот. Опять удар, нива заколебалась, и по ней полоснуло холодом. К черной туче, которой заслонены восток и юг, книзу мало-помалу присоединяются тучки поменьше. По верхнему краю тучи, которая кажется непроглядной, блеснула огненная нить серебряной молнии. Вихрь свистнул, защелкал, и по бурому полю зрею-

щей ржи заблистали причудливые светлые пятна.

И вдруг тихо. Ни молний, ни ветра. Вот и недавно реявший ворон, бросившись вниз, закопошился в посеребренной листве дуба. На траву упали первые тяжелые капли, и барабанщик-дождь пустился вовсю.

Верстах в трех от Дранкина – Большой омут. Там когда-то была мельница. Мельница сгорела, а плотина и омут остались. По рассказам дяди Саши, жила в этом омуте огромная, как бревно, щука с зеленым мохом на спине от старости.

Кукушкину уж очень захотелось увидеть эту щуку, ну хоть бы одним глазком.

В одно из июльских воскресений отправился Кукушкин к Большому омуту.

Он шел лесной тропинкой по прохладной сыроватой земле, перескакивая через корни и валежины. Вот и плотина, заросшая ольшаником и хмелем, крапивой, кустами малины и смородины. Кукушкин пробрался ближе к насыпи и увидел темную воду, покрытую зеленой ряской. Над самой водой нависала старая корявая ветла. Кукушкин забрался на нее, лег животом вниз в развилку между сучьев и стал смотреть. Было очень тихо, лишь где-то рядом ворковал вяхирь да чуть шелестела осока.

И вот из осоки выплыла утка, а за ней семь маленьких желтых комочков. Они неслышно передвигались по воде, оставляя в зеленой ряске темные полосы. И вдруг утка с криком метнулась в сторону. Вода под ней взбурлилась, выставилась над водой огромная зубастая пасть и, как показалось Кукушкину, громко щелкнув зубами, проглотила утенка. Про-

глотила и скрылась.

Все это произошло мгновенно. Кукушкин вскрикнул, перепугавшись не меньше утки, и с корявой ветлы шлепнулся в бездонную воду. Он не помнил, как заколотил по воде руками и ногами.

Захлебываясь, он все-таки добрался до берега и вылез в крапиву, дрожа от страха и холода.

Так он научился плавать.

(По М. Дудину)

Прошлым летом мне пришлось побывать в одном заволжском селе, затерянном в дремучем смешанном лесу, простирающемся на много километров. Село было небольшое, но какое-то веселое и оживленное, как будто праздничное.

При самом въезде в село нас встречает не стихающий ни днем ни ночью шум лесопильного завода. Здесь сложены стопками брусья, навалены бревна, желтеют кучи еще не улежавшихся опилок. А вокруг села ни на минуту не умолкает разноголосый птичий шум.

Чего только ни дает человеку этот зеленый богатырь! За что ни возьмешься, все так или иначе связано с лесом. Гнутую мебель, кованые сундуки, бочонки – все это делали местные жители – исконные деревообделочники. А вокруг высятся почти не освоенные пока леса. Да это и немудрено: ведь рабочих рук не хватает, хотя недавно вернулись в село демобилизованные ребята.

Стоит вам углубиться в пустынный, казалось бы, бор, и вы сразу увидите стриженные мальчишечьи головки, услышите певучую девичью переключку. Это грибники, ягодники. Хотя только вчера закончился давно уже не нужный дождь, а ветки обвешаны не высыхающими целый день каплями, весь лес наполнен народом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.